

6. Дробышев Г. А. Современные оценки тактики политических партий на Урале в 1917 году // История России первой трети XX века: историография, источниковедение. Екатеринбург, 1996.
7. Сергеев В. Н. Крах мелкобуржуазной демократии на Дону, Кубани и Тереке (1917–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1998.
8. Леонов М. И. Партия эсеров в революции 1905-1907 годов: Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1995.
9. Касаров Г. Г. Партия социалистов-революционеров (конец XIX в. – февраль 1917 года). М., 1995.
10. Огоновская И. С. Борьба политических партий на Урале за идейное влияние в массах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.
11. Лупоядов В. Н. Политические партии России в 1917 году: проблемы взаимодействия с органами власти: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
12. Рыбаков А. М. Проблемы насилия и террора в Октябрьской революции и Гражданской войне: левозсеровская альтернатива: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
13. Маримова И. В. Социалистическая оппозиция большевикам по вопросам экономической политики (октябрь 1917 г. – лето 1921 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1995.
14. Кононенко А. А. Социалисты-революционеры в политической борьбе на Урале в 1917-1918 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1994.
15. Рудник С. П. Политические партии на Дальнем Востоке в 1917 году: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.
16. Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1917 годах. М., 1998.
17. Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999; Колесниченко Д. А. В. М. Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.; Безбережьев С. В. М. А. Спиридонова // Там же.
18. Кураев А. Н. Партии и массовые организации в Первой русской революции. М., 2000.
19. Белов А. М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 годов. Кострома, 1997.
20. Булдаков В. П. На повороте 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. Т. 2. С. 16.
21. Злоказов Г. И. Эсеро-меньшевистский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997.
22. Бугров Д. В., Попов Н. Н. Из опыта борьбы большевиков Урала за влияние в Советах в 1917 году. Свердловск., 1990. С. 57.
23. Литвин А. Л., Овруцкий Л. М., Разгон А. И. Поднять дух «6 июля» // Отечественная история. 1992. № 3; Левее левых // Родина. 1990. № 3; Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996.

*Зинаида Николаевна СОКОВА —
профессор кафедры новой истории
и международных отношений
факультета истории и политических
наук, доктор исторических наук*

УДК 957.12

МИГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ФОРМИРОВАНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ДИАСПОР В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы миграции и специфика образования мусульманских диаспор в Тюменской области в 1990-е годы — начале 2000-х годов.

The article is dedicated to the problem of the migration and formation of moslem diasporas in Tyumen region at the turn of the 20th century.

В последнее десятилетие значительное внимание уделяется вопросам, связанным с миграцией населения и, как следствие этого процесса, образованием этнических диаспор практически во всех субъектах Российской Федерации. Объединенные ранее единым институтом советского гражданства в настоящее время диаспоры поставлены перед необходимостью найти собственную нишу в социокультурной среде принявшего государства, осознать себя меньшинством по сравнению с коренным этносом, пройти нелегкие стадии социальной эмансипации, чтобы противостоять ассимиляции и сохранить связи с исторической родиной или приверженность национальной самобытности.

Термин «диаспора» не имеет пока однозначного определения. В современных энциклопедиях его применяют для обозначения «этнических и религиозных групп, живущих в новом районе своего расселения на положении национально-культурных меньшинств» [1]. Существуют и другие толкования, например, понимание диаспоры «как части народа (этнической общности), проживающей вне страны его (ее) происхождения» [2]. В ином варианте употребления термин «диаспора» становится синонимом «насильственной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины» [3]. Применительно к российской действительности это понятие обычно используется как синоним национального меньшинства в иноэтническом окружении.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу точек зрения об определении понятия «диаспора», заметим все же, что круг изучаемых через него явлений чрезвычайно разнообразен. Поэтому вряд ли оправдано применять излишнюю жесткость в использовании этого термина как инструмента анализа в каждом конкретном случае.

Что касается понятия «мусульманская диаспора», то его появление было связано с консолидацией разных этнических, но исламизированных групп на базе религии. В этом новом конфессиональном измерении понятие «мусульманская диаспора» становится синонимом общины мусульман (махалля).

В начале 1990-х годов в научный оборот вводится еще один термин — «мусульманские этносы» (или «этнические мусульмане»), который используется в значении «приверженцы ислама». «Под мусульманами мы понимаем всех, чьи предки исповедовали ислам», — писали И. Ермаков и Д. Микульский [4]. Данное определение прочно укоренилось в последующих исследованиях, посвященных истории ислама, формированию мусульманских общин и их роли в общественно-политической жизни современной России. При определении количественных характеристик приверженцев ислама этот термин широко применяется государственными статистическими службами, в периодической печати, выступлениях общественных и религиозных деятелей. Направленность настоящего исследования обусловила необходимость его использования с аналогичной целью.

Процесс образования диаспор в Тюменской области характеризуется рядом особенностей. Во-первых, еще в эпоху «гласности и перестройки» заявку на статус диаспоры сделали сибирские татары — по численности самая крупная группа неславянского населения региона. Во-вторых, мощным фактором, под влиянием которого формировались диаспоры в 1990-е годы — начале 2000-х годов, стали миграционные потоки из ближнего и дальнего зарубежья, зон военных действий, экономического и социального неблагополучия. В этот период начало образованию диаспор положили беженцы и вынужденные переселенцы. Обживать на новом месте им помогли родственники и земляки, осевшие на постоянное жительство в области во время освоения Тюменского Севера. Наконец, свой отпечаток на формирование диаспор наложила «коммерческая экспансия» кавказцев, китайцев, выходцев из Средней Азии, неизбежно нараставшая в условиях либерализации рыночных отношений и «прозрачной» границы с Казахстаном.

Статистические источники показывают, что постепенное увеличение доли мусульманского населения в Тюменском крае наблюдалось на протяжении всего

XX столетия: с 4–5% по переписи 1897 года до 12% в 1989 году [5]. По официальным данным Госкомстата РСФСР, в конце 1980-х годов в России было 12 млн. мусульман, в том числе в Тюменской области проживали не менее 350 тыс. мусульман, принадлежащих к 11 этносам. В их числе: татары — 227,4 тыс. (7,3% общей численности населения края), башкиры — 41 тыс. (1,3%), азербайджанцы — 19,5 тыс. (0,6%), казахи — 15,7 тыс. (0,5%), чеченцы — 4,6 тыс. (0,1%), узбеки — 3,8 тыс. (0,1%) и т. д. [6].

Цифры по мусульманским этносам, кроме татар, можно принять за исходный пункт для определения дальнейшей динамики их численности. С выяснением аналогичного индикатора применительно к татарам дело обстоит сложнее.

Из общего числа татар, учтенных в 1989 году, родились в Тюменской области 125 тыс. человек [7]. Это — коренное население, значительная часть которого принадлежит к сибирским татарам. Одной из черт, характеризующих современные процессы в жизнедеятельности татарского населения, является усиление тенденции переселения коренного населения юга области в русские деревни и смешение их с людьми других национальностей. Если в 1970 году 78,2% татар сельских районов проживали в национальных деревнях, то в 1989 году в этих селах их осталось только 62,9% [8]. Важное значение в жизни татарского населения играла урбанизация и внутриобластная миграция. Если в 1959 году 90,1% татар проживали в южных районах области, то через 30 лет их численность сократилась в два раза (45,5%) [9]. Оказавшись вне национальной среды, татары подверглись достаточно сильной ассимиляции. Не случайно, по данным переписи 1989 года, татарский язык назвали родным только 82,1% татарского населения области [10].

В то же время сведения, приводимые официальной статистикой, фактически фиксировали лишь «чистых татар», то есть тех, кто пожелал самоидентифицироваться по критерию национальной принадлежности. Ассимилированные и так называемые «скрытые татары», по тем или иным обстоятельствам не афишировавшие свою этническую принадлежность, оставались вне рамок учета статистической службы. Так, из заключенных в 1989 году брачных союзов только у 55,3% мужчин-татар супруги принадлежали к татарской национальности, а у женщин-татар еще меньше — 50,3%. В городской среде этот показатель у мужчин составлял 47,6%, у женщин — 42,3% [11]. Можно отметить также, что у 37,2% детей-татар, родившихся в 1989 году, отцы являлись представителями другой национальности. В автономных округах этот показатель составлял 45,5% [12]. В 1994 году в Тюмени только у 47,2% новорожденных детей-татар отец и мать принадлежали к этой национальности [13]. Соответственно не исключается и смена самоидентификации детей от смешанных браков при достижении ими совершеннолетия. Учитывая это, можно утверждать, что расхождение между официальными и реальными оценками численности татарского населения в регионе может достигать 20–30 и даже более процентов. В результате, как нам представляется, сегодняшняя татарская диаспора (вместе со «скрытыми татарами») насчитывает не менее 400 тыс. человек (в том числе в Тюмени — не менее 45–50 тыс.).

Общая численность остальных мусульманских этнических групп в Тюменской области в конце 1980-х годов составляла около 135 тыс. человек. Их «укоренение» на новом месте жительства было вызвано, в сущности, стремлением найти работу, устроить личную жизнь, профессиональную карьеру. Многие из них в 1960-е — 1980-е годы приехали на предприятия развивающегося нефтегазового комплекса. Кроме того, для выходцев из Казахстана, Кавказа и Средней Азии Тюменская область, особенно ее южные районы, становятся в этот период территорией отхожего промысла. Здесь они жили и работали по несколько месяцев подряд, обзаводились «временными женами», обрастали связями. Большинство вело такой образ жизни не один год.

Приток беженцев и переселенцев из зон вооруженных конфликтов, а также из других неблагоприятных в отношении условий жизни регионов постсоветского пространства стал тем фактором, под влиянием которого в 1990-е годы формировалась этноконфессиональная специфика населения региона. Наиболее многочисленный поток мигрантов составляли русские (5–6 тыс. в год), покидавшие по тем или иным причинам страны СНГ, на втором месте находились украинцы (3 тыс.), далее следовали мусульманские этносы. Сформировались и менее многочисленные, но стабильные миграционные группы из стран дальнего зарубежья, главным образом Афганистана и Китая.

В настоящее время в Тюменском крае сложилась весьма непростая и своеобразная национальная ситуация. Только на территории юга области проживают 125 народностей. Здесь зарегистрировано 25 национальных объединений и национально-культурных автономий [14]. Кроме того, это регион длительного и повседневного контакта переселенческого населения с местным — сибирскими татарами на юге области и коренными малочисленными народами Севера. В этом смысле жители области более или менее подготовлены к восприятию этнического многообразия.

Тюменская область весьма привлекательна для оседания на длительный срок или на постоянное жительство. Это — нефтегазовый регион с мощным промышленным и научным потенциалом и развитой инфраструктурой. Здесь имеется большой спрос на потребительские товары, дешевую рабочую силу, особенно в строительстве, сельском хозяйстве, сфере услуг. Поэтому уже сейчас армия маятниковых мигрантов из мусульманских регионов прокладывает дорогу для формирования постоянной оседлой общины. Кроме того, Тюменская область — крупный мусульманский центр, имеющий шестивековые традиции распространения ислама и являющийся местопребыванием двух мусульманских объединений — Духовного управления мусульман азиатской части России и Духовного управления мусульман Тюменской области. Здесь действуют 72 мусульманские религиозные организации [15], открыто 79 мечетей, в том числе 51 — в последние 10–12 лет [16].

К концу 1990-х годов выходцы из исламских регионов в основном освоили городское пространство Тюменской области, которое в свою очередь превратилось в своеобразную «гостиницу» для последующих партий переселенцев. Родственные связи и вытекающие из них духовные и экономические обстоятельства обеспечивали мигрантам достаточно широкий диапазон способов их «укоренения»: от традиционных — воссоединение родственников — до современных организационно-правовых форм — кооператив, товарищество с ограниченной ответственностью, малое предприятие и т. д. Под контролем мусульманских диаспор оказались многие рынки, особенно в Ишиме, Тобольске и Тюмени.

Никого особенно не интересовала реальная национальная принадлежность мусульман-мигрантов, именуемых в обыденной жизни чаще всего «кавказцами». Отсюда и укоренившаяся практика подсчета их численности областными статистическими службами. Подводя итоги миграционного прироста по нескольким этносам, официальная статистика относит остальных приезжих к категории «прочие», что, в свою очередь, не позволяет оценить в полной мере масштабы оседания в регионе иностранных граждан. Центр изучения общественного мнения, проводивший в 1992 году социологические опросы в районах с повышенной территориальной концентрацией «кавказцев», пришел к выводу, что «можно смело увеличивать в 3 раза официальные сведения о количестве проживающих в них жителей этих этнических групп» [17]. Поэтому расчеты, произведенные разными методами, позволяют сделать вывод, что количество относящихся к мусульманским этносам жителей региона (кроме татар) колеблется вокруг цифры в 300 тыс. человек. Исходным показателем для выявления динамики данной численности мусульман послужили цифры ценза 1989 года, а при дальнейших расчетах — данные миграционной статистики, сведе-

ния национально-культурных обществ. Наиболее крупные мусульманские этносы, вписавшиеся или находящиеся на разных стадиях вхождения в социальную структуру региона, представлены азербайджанцами, казахами, чеченцами, узбеками, таджиками [18].

Общая характеристика кавказцев и выходцев из Средней Азии — торговая (более широко — предпринимательская) специализация. Пришлость, чужеродность, торговая специализация, рыночный предпринимательский характер — это типичный набор признаков так называемых «торговых» или «предпринимательских» меньшинств — феномена, широко распространенного в мире. Такая специализация сформировала их образ жизни, систему ценностей, тип поведения, характер взаимоотношений с принимающим обществом. Как правило, такие взаимоотношения конфликтны.

Перенаселенность, трудоизбыточность, низкий уровень жизни вызвали поток переселенцев из Средней Азии, главным образом таджиков. Это типичные «маятниковые» (к тому же нелегальные) мигранты, которые, оставляя семьи на родине, как правило, не ставят целью укорениться в местном обществе. Занятые в сфере строительства, услуг, торговли, они представляют собой дешевую и неквалифицированную рабочую силу.

Миграционный процесс несет в себе массу проблем. Представителей власти, правоохранительные органы больше всего беспокоит утрата контроля над ситуацией, особенно нелегальная миграция, именуемая в прессе нарушением паспортно-визового режима [19]. По словам заместителя председателя Тюменской областной Думы Н. П. Барышникова, в область заезжает 95 тысяч мигрантов в год, из них только 1,5 тыс. законно трудоустраиваются, только 15 тыс. регистрируются [20]. Нелегальное проникновение — это массовое нарушение российских законов, связанное с уклонением от выплаты налогов, дополнительным давлением на коммунальные службы, незаконным использованием юридическими и физическими лицами иностранной рабочей силы. Государственные структуры опасаются усиления «криминальной активности» мигрантов, в том числе и в сфере наркоторговли.

Одним из центров консолидации приверженцев ислама является мечеть, увеличение прихожан которой вызывает настороженность, а в иных случаях и негативную реакцию православной церкви и ее потенциальных или реальных сторонников среди русского населения. Эмоциональная составляющая таких антиисламских фобий весьма изменчива: от слухов, сплетен, оскорбительных выпадов в адрес иноверцев до усиливающихся страхов за личную безопасность. Сдвиги в массовых настроениях, во многом также на подсознательном уровне, улавливаются и по-своему интерпретируются властными структурами. Показательна в этом отношении позиция администрации г. Тюмени, в 2002 г. отказавшейся выделить мусульманам участок для строительства новой мечети в районе проживания титульной нации.

Особую остроту мусульманский фактор приобрел в контексте демографических изменений в Тюменской области, население которой с 1989 года по 2002 год уменьшилось с 3,6 до 3,3 млн. человек, в том числе из-за превышения смертности над уровнем рождаемости. Принимая во внимание мусульманские традиции, можно предположить, что в возрастной «нише» до 15 лет (около 0,5 млн. человек) опережающая рождаемость среди этнических мусульман в большей степени компенсирует детскую смертность, чем коэффициент рождаемости среди русского населения. По крайней мере, в 1989 году среди татар эти показатели существенно отличались от общеобластных: смертность — 5,4 человека на 1000 жителей при 6,0 в среднем по области; рождаемость — 23,9 человека на 1000 жителей при 17,4 в среднем по области [21].

Эта демографическая в своей основе тенденция имеет и вполне конкретный экономический аспект. Создаются предпосылки для последующих изменений в этноконфессиональном составе населения, которое в демографической статистике вычленяется как «трудоспособное». Учитывая, что в 1990-е годы — начале 2000-х годов весомым резервом рыночной экономики региона стал «пришлый компонент» — мусульмане-мигранты, можно утверждать, что в самодеятельном населении края ситуация складывается отнюдь не в пользу этнических русских. При прочих равных условиях они в большей степени пропорции «выпадают» из экономически активного населения. Таким образом, при абсолютном преобладании в населении региона титульной нации она в обозримом историческом времени будет постепенно терять свои позиции в «нише» трудоспособного населения.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 388; Большой энциклопедический словарь. М., 1991. С. 385.
2. Полоскова Т. Диаспоры в системе международных связей. М., 1998. С. 16.
3. Дятлов В. Диаспоры: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 9.
4. Ермаков И., Микульский Д. Ислам в России и Средней Азии. М., 1993. С. 5-6.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXVIII. Тобольская губерния. СПб., 1905. Л. 4; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1989. С. 1-15; Национальный состав населения Тюменской области. Тюмень, 1990. С. 6-11.
6. Национальный состав населения Тюменской области... С. 10. Для сравнения: в Горьковской, Омской, Самарской, Саратовской, Ярославской областях в 1989 г. проживало приблизительно по 100 тыс. мусульман, то есть в 3,6 раза меньше, чем в Тюменской области (Национальный состав населения РСФСР... С. 8-10).
7. Гарифуллин И. Б. Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения Севера (1960-1996 гг.). Тюмень, 1997. С. 2.
8. Подсчитано по: Архив Тюменского областного управления статистики (АТОУС). Сельские населенные пункты Тюменской области. 1990.
9. Подсчитано по: АТОУС. Отдел переписи населения 1959 г. Сводные итоги. 1959; Национальный состав населения Тюменской области... 1990.
10. Национальный состав населения Тюменской области... С. 26.
11. АТОУС. Естественное движение населения в 1989 году по брачности. С. 25, 30, 61, 73, 74.
12. Там же. С. 42-45.
13. АТОУС. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области (по данным микропереписи 1994 года). Т. 2.
14. Тюменская правда. 2002. 19 марта.
15. Там же. Для сравнения: в конце 2000 года в Свердловской области насчитывалось 51 мусульманская религиозная организация, в Омской — 36, Новосибирской — 22, Курганской — 22, Томской — 9 (Мухаметшин Ф., Дубков А. Мусульманские организации в Российской Федерации // Россия и мусульманский мир. 2001. № 9. С. 39).
16. Мухаметшин Ф., Дубков А. Указ. соч. С. 45.
17. Известия. 1992. 19 октября.
18. См., напр.: Миграция населения Тюменской области за 1992-1995 годы (Статистический бюллетень). Тюмень, Б. г. Т. 2; Миграция населения Тюменской области (1996-2000 гг.): Статистический сборник. Тюмень, 2001.
19. Тюменские известия. 2002. 24 сентября.
20. Там же. 9 октября.
21. Гарифуллин И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. С. 166-167.